

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №4, Том 12 / 2021, No 4, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK421.pdf>

DOI: 10.15862/25FLSK421 (<https://doi.org/10.15862/25FLSK421>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Недоступ, О. И. «Новояз» Интернета: источники и механизмы появления новой лексики / О. И. Недоступ, Е. Ю. Плешивцева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK421.pdf> DOI: 10.15862/25FLSK421

For citation:

Nedostup O.I., Pleshivtseva E.Yu. The new language of the Internet: sources and mechanisms for the emergence of new vocabulary. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(12): 25FLSK421. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/25FLSK421

Недоступ Олег Игоревич

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет геосистем и технологий», Новосибирск, Россия
Доцент кафедры «Языковой подготовки и межкультурных коммуникаций»
Кандидат филологических наук
E-mail: in383@yandex.ru

Плешивцева Елена Юрьевна

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет геосистем и технологий», Новосибирск, Россия
Доцент кафедры «Языковой подготовки и межкультурных коммуникаций»
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: albaneiler5765@mail.ru

«Новояз» Интернета: источники и механизмы появления новой лексики

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности «новояза» — языка виртуального общения, функционирующего в разговорном дискурсе. Авторами статьи сделана попытка выявить источники формирования языка виртуального пространства, определить языковые механизмы, которые определяют лексические и грамматические изменения в языке «новояза». Выявлено, что одним из наиболее продуктивных источников новой лексики и правил ее функционирования является английский язык, поэтому авторы статьи сопоставили некоторые языковые процессы, происходящие в английском языке с процессами, наблюдаемыми в русскоязычном сегменте разговорного интернет-дискурса. В ходе анализа эмпирического материала было выявлено, что русскоязычный сегмент интернета в настоящее время активно пополняется заимствованиями из английского языка, в частности, сленговыми выражениями из ИТ-сферы. Авторы статьи пришли к убеждению в том, что процесс пополнения русскоязычного сегмента интернета из тезауруса английского сленга — процесс глобальный, являющийся своеобразной «языковой подпиткой» для всего русскоязычного разговорного интернет-дискурса. Более того, обилие англицизмов в русском языке способствует активизации двух важных словообразовательных процессов — эрративизации и интернет-аббревиации. Первый процесс обусловлен тяготением языка сетевого общения к изменению слов по принципу языковой игры, в частности, к фонетическому письму ("красафчег", "привед"). Отметим, что образование эрративов в полной мере характерно и для английского языка, что, в свою очередь, может свидетельствовать о процессе эрративизации как об универсальном языковом явлении. Вторым процессом формирования нового пласта интернет-лексики можно считать аббревиацию (в том числе сокращения и графоны). Данный

словообразовательный процесс в русском разговорном дискурсе реализуется посредством разговорных аббревиатур, особенно окказионального характера или созданных путем калькирования. Также нами отмечена роль русской синтаксической деривации, которая сходна с английской деривационной моделью. Авторы статьи также обратили внимание на активизацию процесса девербативизации, сходного по грамматическим характеристикам с герундием в английском языке. Авторы работы приходят к выводу, что активизация процессов словообразования в языке сетевого общения напрямую связана, во-первых, фактом постоянной рецепции слов из английского языка, во-вторых, с процессом влияния языковых моделей английского языка на словообразовательную систему русского языка.

Ключевые слова: новояз; виртуальное пространство; интернет-дискурс; эрративы; интернет-аббревиация; девербативизация; синтаксическая деривация

Конец XX и начало XXI века ознаменовали собой не просто смену тысячелетий, но качественный переход к новой реальности в рамках развития новых, главным образом коммуникационных технологий. Человечество, образно выражаясь, вошло в новое пространство — виртуальное. Последствия такой глобальной трансформации всех сторон жизни человеческого общества хотя и не могут быть осмыслены в полной мере на этапе перехода в новую бытийную парадигму, но уже получили свое теоретическое описание в многочисленных научных работах. Буквально на наших глазах в течение последних лет происходит полномасштабная практическая апробация того, что в англоязычном пространстве называют *living online*. Связанные непосредственно с пандемией COVID-19 либо получившие в связи с ней широкий размах такие социальные явления, как дистанционное обучение, онлайн-консультирование, онлайн-шопинг, вынужденная изоляция, локдаун быстро становятся повседневной рутинной. Философы, социологи, психологи, культурологи с конца прошлого века говорят о появлении *Homo Virtualis* как альтернативы человеку «традиционному», а также о бытийном пространстве этого пост-человека, которое носит общее название виртуальной реальности либо в исследованиях отдельных авторов именуется, например, как «нет-бытие» [1] или «виртосфера» [2]. Необходимо при этом подчеркнуть, что виртуальный способ бытийствования на современном этапе эволюционировал «от преимущественно информационно-коммуникационного и развлекательного пространства к автономно-альтернативному измерению существования человека и культуры в целом» [1, с. 68].

Естественным следствием формирования нового человека и его новой, альтернативной реальности является осуществление современных коммуникативных практик посредством своего рода «новояза»¹ — языка виртуального общения, которое реализуется через Интернет и сеть телекоммуникационных систем. Из всех виртуальных систем связи наибольшее распространение и значимость приобретает интернет-коммуникация в силу, как минимум, технических преимуществ и наличия особых характеристик по сравнению с традиционными сетями передачи данных. Соответственно, и язык интернета — один из самых быстро развивающихся языков в плане как количественного наращивания лексики за счет неологизмов, возникающих в рамках интернет-коммуникации, так и качественных изменений, затрагивающих грамматический строй языка, орфографию (включая явление намеренной девиации), способы словообразования, механизмы деривации. Все эти явления дают возможность говорить о языке компьютерного общения как о специфическом явлении, что находит отражение и в именовании данного феномена: в русском языке наиболее частотными

---

¹ Используя неологизм Дж. Оруэлла, мы вкладываем в него несколько иной смысл, подразумевая не некий «эзопов» язык, но в прямом смысле «новый», с точки зрения его количественных и качественных характеристик, язык интернет-общения (примечание наше — О.Н., Е.П.).

являются обозначения «интернет-речь», «электронная коммуникация», «киберязык», «сетевой язык»; в английском языке новый языковой феномен обозначен как Weblish (Web + English) либо через аббревиатуру СМС (computer-mediated communication). Дэвид Кристал, одним из первых проанализировавший в начале века взаимовлияние стандартного английского языка (SE) и языка интернета, вводит понятие 'netspeak', в котором делается акцент на разговорной окрашенности интернет-коммуникации [3]. Наиболее удачным, на наш взгляд, передающим суть феномена интернет-языка, является обозначение 'Textspeak' [4], в котором отражена дуальность интернет-сообщения, а именно его уникальный письменно-разговорный характер.

Таким образом, обозначив объектом данного исследования язык Интернета, мы ставим своей целью выявить, каковы его источники и особенности, какие механизмы лежат в основе тех изменений как лексического, так и грамматического характера, которые формируют этот «новояз» виртуальной реальности.

Поскольку одним из наиболее действенных источников новой «компьютерной» лексики и правил ее функционирования является английский язык, мы находим, что сравнение процессов, наблюдаемых при формировании языка интернет-общения в его англоязычном и русскоязычном сегментах, имеет значительный эвристический потенциал.

Язык интернета, или Как «развидеть» Свинку Пеппу

В русскоязычном развлекательном интернет-издании Medialeaks за апрель 2020 года появилось следующее сообщение: «Россиянка с дочерью *закосплеили* одну из работ Пабло Пикассо», «Мама и дочь воссоздали картину Пикассо в жизни и сломали людям глаза. Они не могут *развидеть* там Свинку Пеппу»². (курсив наш — О.Н., Е.П.). В этом мини-тексте обращают на себя внимание слова интернет-«новояза»: одно из них иностранного происхождения, однако измененное в соответствии с морфологией и грамматикой (глагол совершенного вида) русского языка, другое слово из русского языка, но с нетипичной деривацией. Очевидно, в языке (не только в русском) происходят некие и, видимо, достаточно сильные трансформации, что позволяет лингвистам говорить о «революции в языке» [3].

Необходимо поэтому прояснить как глубинные механизмы подобного рода трансформаций, так и выявить основной вектор происходящих в языке изменений. Кроме того, интерес представляет выяснение источников, посредством которых происходит обогащение языка интернета.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть ключевую роль английского языка в формировании языка интернет-сообщества, в том числе и в рамках Рунета. Такое положение вещей обусловлено как экстралингвистическими факторами, а именно исторически и политически сложившейся ситуацией распространения английского языка за пределами Великобритании, так и лингвистической составляющей, что подразумевает, прежде всего, экономию языковых средств, присущую английскому языку в силу его аналитического характера, причем более строгого в сравнении, например, с французским языком, в котором сохраняется категория рода, большое количество глагольных флексий и в целом прослеживается тенденция развития аналитизма в сторону полисинтетизма. Роль английского как основного языка международного общения определила и его ведущую позицию в формировании, с одной стороны, слоя новой лексики, связанной непосредственно с развивающимися компьютерными технологиями (сайт, хаб, роутер, браузер, медиа-плеер, онлайн/оффлайн), с другой стороны — лексики интернет-коммуникантов (чат, фолловер,

² Развидеть Свинку Пеппу https://medialeaks.ru/0604lot-picasso/?utm_source=grfeng&utm_medium=partner&utm_campaign=giraff.io.

хейтер, ютубер, банить), включая жаргон специалистов в сфере ИТ (айтишник, фича, фиксить, софт, прога, бага). Дэвид Кристал, говоря о трех основных тенденциях, в корне меняющих лингвистическую экологию современности как таковую, одним из факторов называет превращение английского языка в язык глобальный [3]. Это непосредственно связано с другим ключевым вектором изменения лингвистического «сценария», а именно с влиянием развития интернет-технологий на возрастание роли английского языка. Действительно, не вдаваясь в рассуждения частного порядка при описании названных тенденций, заметим, что глобальное использование английского языка в качестве основного языка интернета повлекло за собой большое число англоязычных заимствований во всех сферах жизни (хайп, хаб, тренд, бренд, лайфхак, трейд-ин, скрининг, дайвинг, оверсайз, локдаун, спам, ватсап, лайк, смайл(ик), лоукостер и т. д.).

Таким образом, можно констатировать, что в глобальном масштабе интернет-язык пополняется новой лексикой из английского языка. Мы считаем, что в качестве отдельного источника, своего рода «внутриязыковой подпитки», необходимо выделить английский сленг. Дело в том, что далеко не все слова, будучи англицизмами для сторонних языков и в силу этого воспринимаемые ими как новая лексика интернет-коммуникации, осмысливаются как таковые в самом английском языке. С точки зрения носителя английского языка, такие слова как, например, ‘ban’, ‘follower’, ‘chat’, ‘spam’, ‘smiley’ отнюдь не являются неологизмами. Не наблюдается здесь и особого сдвига в семантике, скорее можно говорить о том, что, сохраняя прежнее значение, слова используются в новых реалиях. Роль сленга в этом плане более неоднозначна, если рассматривать ее с позиции англоязычных носителей. Естественно, слова и выражения, а также сокращения, аббревиатуры, графоны (что особенно продуктивно для интернет-коммуникации) не представляют собой «изобретение» интернет-языка, по большей мере они «перекочевали» в него из сленга (OMG, ASAP, 4U, sup, cuz, etc.). Однако сама идея оказалась для сетевого пространства весьма привлекательной и плодотворной с точки зрения образования по подобному принципу новой лексики — интернет-жаргона (OP, РЕВКАС, LOL, ROFL, SWW, etc.). Можно предположить, что многие из подобного рода аббревиатур являются окказионализмами, что требует пояснений от их авторов, как в свое время от сэра Уинстона Черчилля потребовалась расшифровка использованной им в письме аббревиатуры OMG (oh, my God)³. Как и в целом английский язык, английский сленг получил статус глобального, будучи воспринятым интернет-пользователями вне зависимости от того, каков их родной язык. Однако важно заметить, что сам механизм словообразования был перенесен на почву национальных языков, дав в результате импульс к зарождению новых языковых стилей виртуального общения, каковыми являются, например, немецкий «фонг-шпрахе» и русский «олбанский». По примеру английского языка «олбанский» русский также формирует свой лексический фонд главным образом за счет аббревиации и эрративов.

Можно в качестве ключевых процессов указать на два способа пополнения интернет-языка русскоязычного сегмента. Во-первых, это активное словообразование за счет лексики и в соответствии с морфологией самого русского языка с намеренной либо ненамеренной, но закрепившейся впоследствии девиацией. Как пишет Е.В. Карнуп, «первичные эрративы воспроизводят устную форму слова, тогда как вторичные эрративы представляют собой гиперкоррекцию предполагаемого первичного эрратива» [5, с. 145]. Примеры интернет-эрративов: «кросафчег», «аф(ф)гар», «привед», «центыр», «вообще/вапще», «канешна» и т. д. Ключевым механизмом, задающим различного рода девиации, является тяготение языка сетевого общения к фонетическому письму, основными приемами которого являются озвончение/оглушение, редукция, создание единого фонетического слова за счет

³ Первое использование OMG (О мой Бог!) и другие интересные факты о Уинстоне Черчилле // <https://businessman.ru/post/pervoe-ispolzovanie-omg-o-moy-bog-i-drugie-interesnyie-faktyi-o-uinstone-cherchille.html>.

слияния с предлогом либо слияния слов («апстену», «кагдаила»). Необходимо отметить, что лексическое наполнение интернет-языка за счет создания эрративов значимо и для английского языка. Это особенно актуально, если принять во внимание его сложную фонетику, которая намеренно упрощается в рамках сетевого общения. Приведем несколько примеров: munny (money), u (you), ur (your), nuttin' (nothing); а также примеры редукции, оглушения, озвончения, слияния с послелогом либо частицей: wuz, wantz, ne'er, hafta, sorta⁴. Подобного рода процессы описаны и в отношении немецкого языка [6]. Как видно из вышеизложенного, одним из способов, характерных для национальных языков, в частности, для русского является ситуация, когда механизмы словообразования работают на материале самого языка.

Вторым способом формирования новой лексики нужно считать механизм, воспринятый русским языком по примеру английского, в котором подобного рода лексические трансформации возникли задолго до появления компьютеров и интернета, но были активно задействованы в формировании лексики языка сетевого общения. Можно сказать, что эти приемы получили «второе дыхание» в рамках виртуального общения. Речь идет об уже упоминавшейся выше аббревиации, сокращениях и графонах. Особый интерес представляют графоны с заменой части слова либо всего слова цифрами. Они весьма активно используются в англоязычном сегменте, но достаточно редки в русскоязычном. Такой способ графического оформления слова в принципе не характерен для стандартного русского языка, он пришел в язык интернет-коммуникации из английского сленга. Примеры такого рода графонов на английском и русском языках: «o4ень», «be4», «2 good 2 b true», «plz 2 upgrade mee», «m8».

Что касается сокращений, особенно в разговорной речи, отметим, что русский язык работает на основании собственных моделей. Однако широкое использование разговорных аббревиатур, особенно окказионального характера, есть прямое заимствование механизмов словотворчества английского сленга. При этом можно наблюдать явление как калькирования английской аббревиатуры (например, «ИМХО»), использование ее без изменений в латинице (например, «LOL»), так и с частичной или полной ассимиляцией (например, плз < плиз < please). При этом имеет место весьма интересный процесс использования словообразовательных моделей русского языка в отношении к заимствованным английским словам в их сокращенных и полных формах: ok > ок > океюшки; google > гуглить, загугли. В интернет-сообщении про Свинку Пеппу, с которого мы начали наши рассуждения о языковых процессах, происходящих в рамках интернет-коммуникации, английское слово «cosplay», само по себе являющееся двукорневым образованием с сокращением первого элемента «costume», также было подвергнуто словообразовательной русификации: «закосплеили».

Еще более уникальным фактом взаимодействия в интернет-пространстве английского и русского языков является, на наш взгляд, обратный процесс, а именно применение словообразовательных моделей английского языка в отношении слов русского языка. Во-первых, это касается синтаксической деривации. В русском языке одной из наиболее типичных моделей деривации является преобразование V → N с образованием имен действия (петь → пение) [7]. Для английского языка наиболее активной моделью является обратная деривация N → V, представляющая собой, по сути, грамматическую конверсию (doctor → to doctor, rain → to rain). Процессы, связанные с формированием интернет-языка русскоязычного сегмента, сигнализируют о возрастающей популярности деривационной модели N → V: гугл → гуглить, клик → кликать бан → банить и т. п. Во-вторых, еще более примечательные процессы затрагивают собственно морфологию. Обращает на себя внимание высокая интенсивность использования на русскоязычной почве (хотя это касается не только языка

---

⁴ Подчеркнем, однако, еще раз, что, будучи неким глобальным генератором механизмов словообразования и лексических заимствований, сам английский язык практически не создает внутри себя особого интернет-языка, используя, по преимуществу, уже сложившиеся ранее (например, в сленге, в языке рекламы) модели.

интернета) заимствованных отглагольных существительных: шопинг, дайвинг, сайдинг, шугаринг, детайлинг и пр. При этом англоязычная суффиксация -инг (-ing) не просто калькируется вместе с английским словом, но активно используется на пространстве Рунета для создания новых девербатов на материале русскоязычной лексики, которые по своим грамматическим признакам приближаются к характеристикам английского герундия. Это касается, прежде всего, намеренного воссоздания (часто для создания юмористического эффекта) оттенка процессуальности. В качестве примера можно сослаться на канал с названием FreeВаляйтинг; на kotomatrix.ru находим четверостишие, где дословно сказано «а для души моей милей валяйтинг и балдэжинг»⁵. Такого же рода словообразовательную креативность можно найти в Одноклассниках («кальянинг»)⁶, Вконтакте («расслабляйтинг», «отдыхайтинг», и даже «кайфайтинг» вместо английского ‘keifing’)⁷.

Характерные особенности языка интернет-коммуникации такие, как его игровое начало, стилистическая сниженность, экспрессия, то есть все то, что в широком смысле придает ему разговорное звучание, обусловили и использование типичных для сетевого общения словотворческих механизмов, о которых речь шла выше. Однако необходимо задать некий общий знаменатель, который объяснял бы большинство языковых инноваций в рамках интернет-коммуникации. Мы полагаем, что в качестве такого знаменателя может быть назван принцип экономии языковых средств.

Исследователи, изучающие особенности сетевой коммуникации, а также характерные черты, присущие субъекту виртуальной реальности, Homo Virtualis [2; 7; 8], указывают как один из важных аспектов «энергоёмкость всех происходящих в виртуальной жизни процессов» [2, с. 60]. «В человеческой природе заложено стремление минимизировать собственные энергетические затраты ... и именно в виртуальном киберпространстве это достигается проще всего» [3, с. 60]. С философской и психологической точки зрения, такого рода стремление к экономии энергетических усилий объясняется иным по сравнению с реальностью качеством виртуальных процессов, протекающих в условиях отличного от реального пространства-времени [8]. Лингвисты, в свою очередь, обращают внимание на подобного рода «энергоёмкость» языка сетевой коммуникации, которая предполагает экономию языковых усилий через такие средства, как аббревиация, сокращения, эрративы (в том числе фонетические контракции и графоны). Что касается аббревиации и сокращений, не существует единого мнения насчет того, какая из их функций превалирует при использовании их в письменно-разговорной речи, каковой является речь таких интернет-жанров, как чат, блог, форум. Если для аббревиатур, составленных из прописных букв, акцентирование внимания на графическом выполнении слова выводит на первый план фатическую функцию, то для строчных аббревиатур важнейшим следует признать именно стремление к речевой экономии [9, с. 33]. Естественным образом использование любого рода аббревиатур ведет к экономии языковых средств. Экономия речевого усилия, хотя и не столь очевидно, выказывает себя и при использовании в интернет-языке контракций (спс, плз, инет), в том числе фонетических (щас, вапще, щастье).

Как отмечалось выше, процессы, имеющие место в языке интернет-общения, проходят под значительным влиянием английского языка. Это касается и принципа экономии языковых средств. Мы уже говорили о том, что, в частности, английский сленг является одним из основных источников формирования языка интернета, провоцируя применение аббревиации как средства языковой экономии на лексическом уровне. Д.И. Алексеев подчеркивает, что

⁵ <http://kotomatrix.ru/best/31020/>.

⁶ <https://ok.ru/profile/607608671/statuses/65476794447199>.

⁷ https://vk.com/wall105954032_5346.

«аббревиация — сложное, многогранное явление, уходящее своими корнями в глубокое прошлое. Прежде всего, аббревиация — это способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [10, с. 204]. Л.А. Новикова справедливо указывает на тот факт, что «английские аббревиатуры мобильны и встречаются во всех жанрах интернет-ситуации. За счет кодирования данных увеличивается объем передаваемой информации. Наибольшее число аббревиатур встречается в чатах и форумах» [11, с. 130]. Кроме того, для английского языка характерно осуществление экономии средств и на фонетическом уровне, и на уровне морфологии в силу ее упрощенности, что вызывает к жизни такие характерные для английского языка явления, как конверсия и грамматическая омонимия. Широкое распространение в английском языке нефинитных форм, например, герундия, дает возможность получать экономию за счет описания процесса одной лексемой. Правостороннее определение также может быть сколь емким, столь и «экономным», например, ‘T-shirts weather’, ‘a glass-doored bookcase’, ‘a muddy-footed spaniel’. Особенно широко применяются в языке интернет-общения средства языковой экономии на фонетическом уровне, источником которых также служит сленг, либо colloquial English: ‘nuttin’, ‘ur’, ‘Don’t wanna, don’t havta, ain’t gonna’.

Русскоязычный сегмент интернета пытается по возможности использовать те модели, характерные для английского языка, которые служат не только для создания экспрессии при осуществлении фатической функции, но и для экономии языкового усилия. Широкое применение не характерных для стандартного русского языка аббревиатур, составленных из прописных букв, фонетические контракции с калькированием, создание графонов, конверсия по типу $N \rightarrow V$, все возрастающее использование заимствованных отглагольных существительных, и даже попытки воссоздать герундиальные формы на материале русских слов — все это несомненное влияние английского языка как глобального языка интернет-общения на формирование языка Рунета.

Таким образом, принцип экономии языковых средств можно считать неким глубинным, базовым механизмом, ведущим к закреплению в интернет-языке наиболее продуктивных в рамках сетевого общения словообразовательных моделей. Большую роль в репродукции такого рода моделей играет английский язык. Однако и внутри национальных языков, в частности, русского, наблюдаются активные словообразовательные процессы, ведущие к формированию языка интернет-коммуникации.

Можно сделать вывод, что интенсивные процессы словообразования в языке сетевого общения являются беспрецедентными, поскольку имеют место в виртуальном, то есть фактически неограниченном пространстве, где автором интернет-«новояза» может быть каждый Homo Virtualis, участвующий в процессе интернет-коммуникации. Пополнение лексического состава, а также наполнение словообразовательных и грамматических моделей интернет-языка происходит во многом за счет притока из английского языка. Однако стоит отметить, что большую роль в формировании языка интернет-общения играют сложные и активные процессы словообразования на лексическом материале национальных языков, в том числе в русскоязычном сегменте Интернета. Таким образом, для русскоязычного сегмента источниками новой лексики будут служить как заимствования из английского языка, так и процессы словотворчества в родном языке. В качестве ключевых механизмов для формирования языка Интернета можно назвать обращение к фонетическому письму, что приводит к девиациям в форме эрративов, сложные процессы деривации, морфологические отклонения, при которых модели иностранного языка (английского) начинают влиять на словообразование языка-реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Д.А. Виртуальное net-бытие пост(сверх)человека / Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2012. № 3(18). С. 68–73.
2. Афанасьева В.В. Homo Virtualis: психологические характеристики / Известия Саратовского университета, 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 59–64.
3. David Crystal (2004). The Language Revolution. Malden, MA: Polity Press. 152 p.
4. Evans V. Coronavirus Emojis: Conveying Compassion and Humour With a Facemask [Electronic resource] / V. Evans // The Wire. — 2020. — 04 May. — Access mode: <https://thewire.in/culture/coronavirus-emojis-conveying-compassion-and-humour-with-a-facemask> (accessed 02.11.2021).
5. Карнуп Е.В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter/ Научное мнение. — Спб., 2004. — С. 141–146.
6. Щербакова О.Н. «Олбанский» русский и «фонг» немецкий — сравнительная характеристика языков в интернет-пространстве / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. № 6. С. 183–189.
7. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. — М.: Рус. яз., 1984. 151 с.
8. Павлова Н.В. Постмодерн: трансформация коммуникаций / Вестник ПАГС, 2014, С. 116–121.
9. Кувшинская Ю.М. Аббревиация в речи интернет-форумов // Современный русский язык в интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 328 с.
10. Алексеев Д.И. Аббревиация как новый тип слов / Д.И. Алексеев. — М., 2013. 370 с.
11. Новикова Л.А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети интернет / Вестник УдмГУ. — № 5–2. С. 126–133.

Nedostup Oleg Igorevich

Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia
E-mail: in383@yandex.ru

Pleshivtseva Elena Yurievna

Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia
E-mail: albaneiler5765@mail.ru

The new language of the Internet: sources and mechanisms for the emergence of new vocabulary

Abstract. The article analyzes some of the features of the new language — the language of virtual communication, which functions in colloquial discourse. The authors of the article made an attempt to identify the sources of the formation of the language of the virtual space, to determine the linguistic mechanisms that determine the lexical and grammatical changes in the language of "Newspeak". It was revealed that one of the most productive sources of new vocabulary and the rules for its functioning is the English language, therefore the authors of the article compared some linguistic processes occurring in English with the processes observed in the Russian-language segment of the spoken Internet discourse. In the course of the analysis of the empirical material, it was revealed that the Russian-speaking segment of the Internet is currently being actively replenished with borrowings from the English language, in particular, slang expressions from the IT sphere. The authors of the article came to the conviction that the process of replenishing the Russian-speaking segment of the Internet from the thesaurus of English slang is a global process, which is a kind of "linguistic feed" for the entire Russian-speaking colloquial Internet discourse. Moreover, the abundance of Anglicisms in the Russian language contributes to the activation of two important word-formation processes — errativization and Internet abbreviation. The first process is due to the gravitation of the language of network communication to change words according to the principle of a language game, in particular, to phonetic writing ("krasafcheg", "lead"). Note that the formation of errativs is fully characteristic of the English language, which, in turn, may indicate the process of errativization as a universal linguistic phenomenon. The second process of forming a new layer of Internet vocabulary can be considered abbreviation (including abbreviations and graphons). This word-formation process in Russian colloquial discourse is realized through colloquial abbreviations, especially of an occasional nature or created by tracing. We also noted the role of Russian syntactic derivation, which is similar to the English derivational model. The authors of the article also drew attention to the activation of the deverbatization process, which is similar in grammatical characteristics to the gerund in English. The authors of the work come to the conclusion that the activation of word-formation processes in the language of network communication is directly related, firstly, to the fact of constant reception of words from the English language, and secondly, to the process of the influence of language models of the English language on the word-formation system of the Russian language.

Keywords: new language; virtual space; Internet discourse; errativs; Internet abbreviation; deverbatization; syntactic derivation